

УДК 069.51

Эвакуация ленинградских музейных экспонатов летом 1941 г.

Ю. З. Кантор,

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Evacuation of Leningrad museum exhibits in the summer of 1941

Yu. Z. Kantor,

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, the Russian Federation

Аннотация

Статья посвящена эвакуации музейных ценностей из Ленинграда летом 1941 г. Речь идет о малоизвестных страницах предблокадной эвакуационной эпопеи: в отличие от истории эвакуации Эрмитажа и Русского музея, сюжеты вывоза других музеев северной столицы и ее пригородов изучены лишь фрагментарно. Между тем, знание общей картины, реконструированной по ранее неизвестным архивным документам, необходимо для воссоздания ретроспективы происходившего на берегах Невы летом 1941 г. Рассматриваются повседневность людей гуманитарных профессий в период военного лихолетья, взаимоотношения музейщиков с городскими и республиканскими властями, отбор экспонатов, подлежащих вывозу, составление документации и маршрутов, спасение художественных ценностей в чрезвычайных обстоятельствах, вывоз музеев, самоотверженный труд музейщиков.

Abstract

The article is devoted to the evacuation of museum valuables from Leningrad. It deals with little-known pages of the pre-blockade evacuation epic – unlike the history of the evacuation of the Hermitage and the Russian Museum, the subject of the moving-out of other museums of the northern capital and its suburbs is studied only piecewise. Meanwhile, knowledge of the general picture reconstructed from previously unknown archival documents is necessary to recreate a retrospective review of the events that took place on the banks of the Neva River in the summer of 1941. The article provides insight into the everyday life of people of humanitarian professions during the wartime, relations of museum workers and city and republican authorities, selection of exhibits to be moved out, preparation of documentation and routes, salvage of artistic values in emergencies, moving out museums, and self-sacrifice of museum workers.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, Ленинград, музеи, музейные экспонаты, эвакуация, власть, дворцовые пригороды, Наркомпрос, Ленгорисполком, Ленсовет.

Keywords

The Great Patriotic War, Leningrad, museums, museum exhibits, evacuation, authorities, palace township, People's Commissariat of Education, Leningrad Executive Committee, Leningrad Council.

Повседневность людей гуманитарных профессий в период военного лихолетья, спасение художественных ценностей в чрезвычайных обстоятельствах, вывоз промышленных предприятий и учреждений культуры из находящихся под угрозой оккупации территорий запада СССР на восток страны – все это было предметом пристального профессионального внимания блестящего ученого, доктора исторических наук А. Ш. Кабириной. Скрупулезное отношение к деталям, умение обобщать сложный и объемный материал, знание историографии, уважение к документальным материалам и параисторическим обстоятельствам – все это делало исследования А. Ш. Кабириной образцовыми с научной точки зрения. У нее было и еще одно редкое качество: глубоко исследуя сложнейшие сюжеты военного времени, неизбежно связанные с жестокостью, неприглядными страницами и горькими эпизодами как боевых действий, так и человеческих отношений, она никогда не «сглаживала углы», но всегда оставалась на высоте профессионализма и человеческого гуманизма. Среди тем, которыми А. Ш. Кабирова занималась на протяжении многих лет, была эвакуационная. Потому и статья, посвященная эвакуации музейных ценностей из Ленинграда – дань светлой памяти Айслу Шарипзяновны Кабириной. Речь пойдет о малоизвестных страницах предблокадной эпопеи: в отличие от истории эвакуации Эрмитажа и Русского музея, сюжеты вывоза других музеев северной столицы и ее пригородов изучены лишь фрагментарно. Между тем, знание общей картины, реконструированной по ранее неизвестным архивным документам, необходимо для воссоздания объективной ретроспективы происшедшего на берегах Невы летом 1941 г.

Наркомпрос РСФСР, как и многие другие ведомства, занимающиеся эвакуацией, четких, детальных планов спасения подведомственных учреждений на случай возникновения угрозы для их сохранности, не имел. Исключение составляли лишь некоторые музеи Ленинграда и области (в которую до войны входили территории нынешних Новгородской и Псковской областей), а также Приморского края, что объяснялось их близостью к государственной границе. Для этих территорий эвакуопланы, по указанию Генерального штаба РККА и Совнаркома СССР, Наркомпрос РСФСР подготовил в 1932-1936 гг., но, увы, подошел к их составлению без учета реального количества имевшихся в музеях ценностей, а в дальнейшем не пересматривал¹.

Заметим: несостоятельность эвакуационных планов 1936 г. стала очевидной профессионалам практически сразу. Так, например, в 1938 г., при проведении генеральной инвентаризации музейных ценностей, Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета отдало распоряжение директорам подведомственных музеев составить списки наиболее ценных предметов, разбив их на три категории – по степени художественной и исторической значимости. Центральная инвентаризационная комиссия Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета в своем постановлении от 11 января 1939 г. указала, что в дворцах-музеях находится 300 000 музейных предметов². В новые списки вошли десятки тысяч ценнейших музейных предметов, что требовало пересмотра плана разгрузки 1936 г. в части увеличения эвакуобаз и железнодорожного подвижного состава. Однако в довоенные годы, увы, никаких практических шагов по пересмотру не последовало. И вот почему. В 1939 г. Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета, закончившее вышеназванную инвентаризацию, обратилось в Ленсовет с просьбой пересмотреть эвакуационные планы. Ленсовет, не полномочный решать данную проблему, в свою очередь, апеллирует к Наркомпросу РСФСР. С аналогичными просьбами в 1939 и 1940 гг. в Наркомпрос РСФСР обращаются

и Приморский краевой отдел народного образования, и Государственный музей этнографии³. По-видимому, эти обращения побудили наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина дважды, в 1939 и 1940 гг., войти в Генеральный штаб РККА с ходатайством о пересмотре эвакуационных планов⁴.

«На основе указаний Генерального штаба РККА и Совнаркома РСФСР, в 1932 году Наркомпросом РСФСР был разработан план эвакуации и вывоза, в порядке разгрузки из пограничной полосы, ряда научных учреждений, учебных заведений и детских домов. Эвакуационный план Наркомпроса РСФСР с 1932 года не корректировался и в настоящее время является не реальным, в частности, эвакуационный план не обеспечен железнодорожным транспортом.

В 1939 г. Наркомпрос РСФСР обращался в Генштаб Красной Армии и в Совнарком РСФСР с просьбой дать указания о корректировке эвакуационного плана, на что получил устное указание впредь до получения специальных установок Генштаба к корректировке эвакуационного плана не приступать, т. к. в настоящее время Генштаб пересматривает вопросы эвакуации в целом. Никаких установок по этому вопросу от Генштаба Красной Армии и Совнаркома РСФСР Наркомпрос в 1939 и 1940 гг. не получал.

Прошу Ваших указаний по вопросу о корректировке эвакуационного плана Наркомпроса РСФСР»⁵.

Ответ военного ведомства, увы, был отрицательным.

Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета получило ответ после неоднократных напоминаний лишь в начале 1941 г. от военного отдела Ленгорисполкома. В нем сообщалось, «пересмотр плана разгрузки Управлением может быть произведен только при общем пересмотре плана, что зависит от центральных правительственных органов и о чем будут даны особые указания»⁶. Но «особых указаний» не последовало, и к началу войны музеи системы Ленгорисполкома к «разгрузке» были готовы только в мизерных масштабах плана 1936 г., исходя из которого были предусмотрены финансовые средства, тара, рабочая сила, эвакуационные базы. Таким образом, и на 1941 г. в действии остался вариант эвакуации пятилетней давности: 4 871 экспонат, 8 вагонов, 4 дня⁷.

Теперь, когда война уже шла, в соответствии с лихорадочными решениями уполномоченных Совета по эвакуации на местах, музеям определялись другие эвакуационные базы, им выделяли существенно меньшее количество транспорта и финансирования, чем это было необходимо, да и те приходили с опозданием, порой делавшим эвакуацию невозможной⁸. Вот лишь один – из множества – пример:

«8 июля сего года объявили, что все академические учреждения подлежат вывозу в Томск, и что с 10 июля будут поданы вагоны (200 вагонов). 10 июля ни одно учреждение не могло начать погрузку...

Мы, работники академических учреждений, были вынуждены требовать настоящей, полномочной эвакуационной комиссии, и вчера были избраны академики: Орбели, Мещанинов и Степанов... Академик Орбели И. А. назначается председателем.

Директор Морфорд, 12 июля 1941 года»⁹.

Зачастую власти, в тех регионах, куда должны были в экстренном порядке отправиться эвакуируемые ценности, получали эту информацию едва ли не постфактум. И при этом, успев до того разместить у себя другие – изначально запланированные – предприятия и, соответственно, не имея возможности нормально «поселить» вновь прибывающие. Такая ситуация плачевно сказывалась на и без того сложном положении музеев этих регионов, о чем речь пойдет далее.

В связи с противоречивостью властных импульсов, учреждения лишались даже имеющихся планов перехода на военное положение, что затрудняло и без того сложные эвакуационные процессы.

В письме в Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Союза ССР говорилось:

«Астрономический институт Академии наук СССР с октября 1939 года находился в системе Наркомпроса РСФСР, а затем переведен в систему Академии наук СССР. До перехода институт имел свой мобилизационный план. А затем он был ликвидирован, т. к. академия в целом таковой не имела. Неоднократно я обращалась к зав[едующему] секретной частью Ленинградского административно-хозяйственного управления и ставила вопрос о продолжении мобилизационной работы, которая в основном должна сводиться к широкому развертыванию оборонной работы и плану эвакуации ценностей»¹⁰.

Но и предусмотренная даже упоминавшимся выше мизерным планом 1936 г. подача в музей, в дни отправки на железную дорогу, автомашин и рабочей силы, для упаковки и погрузки, не всегда выполнялась транспортными и иными структурами. Автотранспорт и помощников музейщикам приходилось искать самим. Усугубляло трудности этого поиска и то, что многие райсоветы привлекали людскую силу и автомобили ряда музеев к отбыванию «трудовой повинности» на других объектах – рук катастрофически не хватало везде, и музейные заботы, по понятным причинам, отходили на второй план¹¹.

Ленинград был исключительным случаем на общем фоне: ни в одном из регионов страны (включая столичный), по имеющимся документам, не было проведено столь мощной, рискованной и порой даже выходящей за рамки местных полномочий, работы по спасению ценностей, производимой иногда вопреки позиции центра. Во многих других городах ситуация была куда печальнее. Успешное проведение эвакуации во многом зависело от распорядительности местных органов власти, энергии и оперативности сотрудников. Но и в северной столице ситуация была сверхнапряженной.

Еще в 1936 г. Управлением культурно-просветительными предприятиями Ленсовета, по заданию Наркомпроса РСФСР, был разработан план разгрузки музейных ценностей на случай непредвиденных чрезвычайных обстоятельств (речь шла о музеях, находившихся в подчинении Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета: о пригородных дворцах-музеях и парках Гатчины, Павловска, Петергофа, Пушкина и Ораниенбаума, а также о Летнем дворце и Летнем саде, о домике Петра I, о Музее истории и развития Ленинграда и др.).

Специальной комиссией, в состав которой входили профессор Э. К. Кверфельд и С. П. Яремич, а также представители Ленсовета, Управления дворцами и парками Ленсовета и Дирекции дворцов-музеев, был подготовлен список предметов, подлежащих эвакуации из дворцов-музеев городов Пушкин, Петергоф, Слуцк (Павловск), Красногвардейск (Гатчина). Исходя из данных комиссии (количества музейных предметов, подлежащих эвакуации), Наркомхоз РСФСР определил потребность в подвижном составе и наметил эвакуобазы в Сарапуле и Горьком¹².

Итак, из дворцовых пригородов Ленинграда необходимо было эвакуировать 4 871 экспонат за четыре дня. В соответствии с заданными объемами, Октябрьская железная дорога должна была выделить в случае войны всего восемь вагонов. Причем четыре вагона из восьми предназначались Гатчинскому дворцу. В «плане» объяснялись причины такого распределения: отдаленность Гатчины

от Ленинграда, наличие большего, чем в других музеях, числа уникальных музейных вещей (например, в Гатчинском дворце было 54 тысячи единиц музейного хранения, в Петергофе – 31,5 тысячи, в Павловске – 22 тысячи)¹³.

Немаловажным было и то, что рядом с Гатчинским дворцом (примерно в 600 метрах) находился крупный военный объект – аэродром, который мог привлечь внимание бомбардировочной авиации противника¹⁴.

Управление культурно-просветительными предприятиями, несмотря на постигшие его неудачи в переписке с Ленгорсоветом, работу по составлению новых списков все же не прекратило и продолжало ориентировать на них подведомственные музеи. Кроме того, стремясь вооружить музейных работников необходимыми знаниями в области упаковки, переноски и перевозки музейных ценностей, в 1941 г. (накануне войны) оно издало инструкцию, составленную по его же поручению профессором М. В. Фармаковским – главным хранителем Русского музея¹⁵. К сожалению, работа по составлению эвакуационных списков проводилась только в пригородных дворцах-музеях, городские же музеи, подведомственные Управлению культурно-просветительными предприятиями, таких перечней не имели. Что же касается инструкции, то она вышла в свет и была доведена до сведения подведомственных учреждений слишком поздно: музейные работники не успели с ней должным образом ознакомиться. Об этом, в частности, свидетельствует отчет сотрудников Гатчинского дворца-музея об эвакуации. В заключительной части они пишут: «Один из выводов из опыта наших работ по эвакуации – настоятельная необходимость неотложной работы над повышением квалификации хранителей, над пересмотром инструкций, данных хранителям, находящимся при эвакуированных музейных ценностях»¹⁶.

24 июня 1941 г. была издана директива «О работе садов, парков и музеев Управления культурно-просветительских предприятий Исполкома Ленгорсовета». Она предписывала закрыть для общего пользования Гатчинский, Павловский и Ораниенбаумский дворцы-музеи, оставить для обозрения в Петергофе – Большой дворец, в Пушкине – Екатерининский и Александровский дворцы-музеи¹⁷. В результате – введение в действие плана разгрузки музеев, который должен был вступить в силу автоматически, одновременно с объявлением мобилизации, распоряжением военного отдела Ленгорисполкома было отложено на неопределенное время до особого распоряжения, которое так и не последовало. Лишь на 6-й день мобилизации, 29 июня 1941 г., когда Управление Ленинградских железных дорог предоставило Петергофу под погрузку музейных ценностей один четырехосный вагон (50 т), Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета решилось на необходимый, но беспрецедентно смелый по тем временам шаг (рискуя быть заподозренным в «паникерских настроениях») – начать работу по эвакуации независимо от предложений плана 1936 г. и задерживающихся директив¹⁸.

«Ожидая особое распоряжение от местных властей по эвакуации музейных ценностей, готовых к отправке, просим телеграфно указать базы эвакуации из дворцов-музеев Петергофа – одного вагона, Пушкина – одного вагона, Гатчины – четырех вагонов, Павловска – двух вагонов.

Секретарь Исполкома Ленгорсовета Пономарев»¹⁹.

Ответа не последовало. Ленгорсовет возбуждает телеграфное ходатайство перед Наркомхозом РСФСР о выделении дополнительных эвакуобаз. Из Москвы – снова молчание. И ленинградские власти берут ответственность на себя: Ленгорисполком, основываясь на решении Ленгорсовета принимает жизненно необходимое решение: «Предложить УКППА произвести дополнительную эвакуацию

музейных ценностей из дворцов-музеев гг. Пушкина, Петергофа, Красногвардейска и Слуцка, а также Музея Города и дворца Петра I в Ленинграде.

Вывоз произвести в те же эвакуобазы (в г. Горький, г. Сарапул), в которые вывезены музейные ценности первой очереди»²⁰.

Затем Ленгорисполком обращается непосредственно к горисполкомам Сарапула и Горького с информацией, носящей де-факто директивный характер: принять все, что будет отправлено музеями Ленинграда и области. Заботу руководства Ленгорисполкома можно понять, но трудно при этом не посочувствовать властям двух указанных регионов, захлебывавшихся от количества постоянно прибывавших туда самых различных предприятий, которым требовались базы для размещения, жилье для сотрудников и т. д.

В письме в Совнарком Удмуртской АССР читаем: «В связи с создавшейся обстановкой, Ленинградский исполнительный комитет принял решение о дополнительной отправке музейных ценностей пригородных дворцов-музеев гор. Ленинграда в гор. Сарапул.

Не имея возможности и времени для предварительного согласования эвакуобазы с правительственными организациями Удмуртской АССР, Исполком Ленинградского Совета депутатов трудящихся обращается к Вам с настоятельной просьбой разместить в Сарапуле до 30 вагонов (двухосных) с музейными ценностями Ленинграда, имея в виду, что в Сарапуле в настоящее время уже хранятся отправленные ранее из Ленинграда музейные ценности.

Исполнительный комитет Ленгорсовета просит вас дать соответствующие указания соответствующим организациям Сарапула»²¹.

Кольцо вокруг города сжималось, фронт во всех зонах военных действий стремительно катится на восток. Возникла необходимость вывоза оставшихся ценностей – тех, что не попали ни в один из эвакуационных списков: ни в довоенный, ни в экстренно созданный летом 1941 г.

Члены президиума Академии наук пишут в Москву т. Швернику: «Члены президиума Академии наук, находящиеся в Ленинграде, считают своевременным поставить перед Вами вопрос вывоза институтов, особых ценностей музеев, находящихся в Ленинграде. Общее число оставшихся институтов в Ленинграде 14»²².

Но поздно: к концу августа все пути, связывавшие северную столицу с другими точками, уже перерезаны противником.

Благодаря активной помощи Управления культурно-просветительных учреждений Ленгорисполкома и самоотверженному труду музейщиков, в июне – сентябре удалось вывезти подавляющее большинство коллекций полностью, не разрознивая их и тем самым не обесценивая собрания. Из Гатчинского дворца были эвакуированы практически все экспонаты из благородных металлов, гобелены, оружие XVI-XIX вв., коллекция миниатюр, экспозиционная живопись (Теоборх, Жувене, Верне, Гюбер Робер, Тончи, Ротари, Грот, Мартынов, Щедрин, Боровиковский, Кипренский, Лосенко, Крамской, Орловский, Маковский, Репин, Кустодиев, Поленов и др.), вся выставка костюмов XVIII-XIX вв., 2,5 тысячи единиц китайского и японского фарфора, почти весь русский и западноевропейский фарфор, образцы гарнитуров мебели, ломоносовские мозаики, английские телескопы, весь архитектурный архив»²³.

В Гатчинском дворце-музее к работе по эвакуации имущества удалось привлечь военнотружеников зенитных батарей, занимавших позиции неподалеку от дворца. Упаковка музейных ценностей и подготовка их к отправке явочным порядком

начались непосредственно в день начала войны, то есть в ночь с 22 на 23 июня 1941 г. Все работы по вывозу были прерваны лишь 10-13 сентября 1941 г., когда советские войска оставили уже практически окруженный город.

И в других дворцовых пригородах Ленинграда велась напряженнейшая работа музейщиков. С первых дней войны сотрудники Дворцов-музеев г. Пушкина приступили к упаковке картин, гравюр, люстр, мебели, которая проводилась одновременно с консервацией архитектурных памятников. В Предцерковном зале Екатерининского дворца и в южной части здания, где находились реставрационные мастерские, упаковывали в деревянные ящики, грузили и отправляли вглубь страны бесценные коллекции, в первую очередь живопись и предметы декоративно-прикладного искусства. Коллектив был небольшой и состоял теперь в основном из немолодых женщин – в первые два месяца войны многие работники музея, экскурсоводы и реставраторы были мобилизованы в армию и на оборонительные работы²⁴.

По утвержденному списку, только 303 экспоната из 72 554 «великолепных произведений XVIII века ... XIX века,.. типичных примеров дворянского быта своей эпохи», находившихся в Екатерининском и Александровском дворцах, подлежали эвакуации. Предметы из перечня, разработанного еще в 1936 г., были упакованы всего за два дня, далее в течение 83-х дней – все остальное, что удалось спасти. А. М. Кучумов, возглавлявший работы по вывозу экспонатов этого музея, вспоминал: «Проходя по залам, снимал с полок, панелей, столов, шкафов те вещи, которые можно упаковать и отправить»²⁵.

Не хватало ящиков и упаковочной стружки, поэтому использовали сундуки, в которых хранились императорские костюмы и мундиры, а для дополнительной защиты хрупких вещей использовали шелковые платья, шарфы и другие предметы туалета, принадлежавшие семье последнего российского императора²⁶. Рефрен «не хватало ящиков, стружки, других упаковочных материалов» постоянно встречается как в официальной документации, так и в материалах эпистолярного характера российских музейных работников, переживших военную эвакуацию.

30 июня 1941 г. с первой партией экспонатов уехали А. М. Кучумов и А. М. Кучумова. 6 июля, со второй партией, – Г. Д. Нетуахина. 13 июля, с третьей – З. М. Скобликова²⁷. В число предметов, эвакуированных в первую очередь, вошли наиболее ценные экспонаты, в том числе изделия из драгоценных металлов, две итальянские мозаики из Агатовых комнат, бюро Веретенникова, планы и чертежи царскосельских строений. Вторая и третья партии включали предметы из бронзы и мебель²⁸.

Работа по упаковке экспонатов четвертой и пятой очереди продолжалась с 15 по 19 августа. Она не была засекречена и происходила в условиях, когда прошло большое сокращение штатного персонала. В Екатерининском дворце-музее осталось два научных сотрудника, в Александровском – ни одного, и отбор вещей производили непосредственно заместитель директора Т. Ф. Попова и заведующий жилсектором В. И. Иванов, который и возглавил транспорт четвертой очереди из Александровского дворца-музея 20 августа. С пятой очередью, отправленной 22 августа, в Сарапул уехала экскурсовод Александровского дворца Е. Н. Матвеева²⁹.

В отчете о хранении музейных ценностей дворцов-музеев г. Пушкина, датированном началом сентября 1941 г., приводятся следующие данные. В период с 22 июня по 22 августа 1941 г. были отправлены в тыл 5 очередей с музейными вещами пригородных дворцов-музеев. Эвакуация производилась в следующей последовательности:

1-я очередь – 30 июня – 48 ящиков в г. Горький,

2-я очередь – 6 июля – 46 ящиков в г. Горький,

3-я очередь – 13 июля – 47 ящиков в г. Горький.

Экспонаты первой, второй и третьей очереди были отправлены в Горький, где разместились в здании областного краеведческого музея. Однако, к октябрю 1941 г. Горький превратился в прифронтовой город, участились налеты вражеской авиации. 8 ноября предметы из пушкинских музеев были погружены в вагоны и отправлены в Томск, а оттуда – в Новосибирск.

4-я очередь – 20 августа – 91 ящик в г. Сарапул,

5-я очередь – 22 августа – 74 ящика в г. Сарапул³⁰.

Шестую партию с 1 по 10 сентября доставляли на грузовых машинах в Исаакиевский собор – в Пушкине в это время уже шли бои. Туда же были свезены ящики с экспонатами из других пригородных дворцов, которые были уже погружены в вагоны, но застряли на станции «Сортировочная», предоставляя право прохода по путям военным составам, а после 8 сентября – начала блокады Ленинграда – выехать уже было невозможно. 16 сентября вечером заместитель директора по научной работе Т. Ф. Попова³¹ и научные сотрудники Е. А. Турова³², В. В. Лемус³³ пришли в Исаакиевский собор – именно пришли, под обстрелом, – никакого транспорта из Пушкина, где шли бои, уже не было: части вермахта к тому времени уже прорвались к Пулковским высотам. 17 сентября нацистские войска заняли г. Пушкин³⁴.

Таким образом, на 44 автомашинах и на попутных баржах в город было вывезено около 12 тысяч музейных предметов. И все это – практически «импровизация»: ведь эвакуация музейных ценностей из пригородных дворцов-музеев в Ленинград была вынужденной, никакими планами разгрузки не предусмотренной, а поэтому никакого помещения для их хранения заранее не выделялось. Всего из пригородных дворцов-музеев было эвакуировано 40 765 музейных предметов, хотя и самая ценная, но незначительная часть того, что имелось – в общей сложности примерно четверть от общего количества. Оставшиеся ценности, по возможности, были консервированы и спрятаны на месте (в основном – крупногабаритная мебель, дворцовая и парковая скульптура). Директор Павловского дворца-музея А. И. Зеленова впоследствии вспоминала: «Особенно трудно было с дворцовой скульптурой. Тяжелая и хрупкая, ценная, как все античные уникамы, она стояла в опустевших залах и была так хороша, что страшно было к ней прикоснуться. Отправить ее в далекое путешествие не решались, но и в залах оставлять ее тоже было нельзя. Вовремя вспомнили о прочных сводчатых подвалах. В узком отсеке бережно принесенную скульптуру расставили как можно теснее. К античным статуям дворца присоединили всех муз из Парадной библиотеки Южной анфилады... Замуровали отсек кирпичом»³⁵. Парковая скульптура консервировалась и закапывалась в землю.

А. И. Зеленова, уже под бомбежками и артобстрелами, в последний ящик, отправленный в тыл, уложила документацию проведенной по ее заданию в предвоенные годы ландшафтной инвентаризации лучших парковых районов, созданных Гонзаго. В Сарапул и Ленинград отправила те произведения, которые придавали Павловску особое обаяние, создавали атмосферу дома семейного счастья: изделия из слоновой кости и янтаря; нарядные акварели на стекле молочного цвета, исполненные Марией Федоровной в дар супругу; вышивки; а также семейный архив. В период страшных испытаний, в блокаду, в своем дневнике она четко сформулировала понимание трагедии происходящего и собственную неизменную позицию

борца за культуру. Поражает и то, что наряду с организацией работ по разминированию, разбору завалов от пожарища и других подобных, больших по объему неотложных дел, она провела масштабные работы по обеспечению подлинности ансамбля при его восстановлении. Прежде всего это относилось к сохранению уцелевших фрагментов отделки: лепного декора, настенной живописи и т. д. Она поручила даже зафиксировать в цвете состояние лепных орнаментов и барельефов на стенах дворца: красным отметить утраты, синим – потертости и мелкие сколы³⁶.

Музейщикам Ленинграда практически повсеместно приходилось производить отбор ценностей одновременно с упаковкой, для которой использовались ящики, полученные в воинских частях. В качестве упаковочного материала применяли бумагу и сено. Всего из структур, подчинявшихся Управлению культурно-просветительными предприятиями Ленсовета, по железной дороге было эвакуировано 64 863 музейных предмета, что составило более 66 % от всех имевшихся ценностей. Кроме того, из Летнего дворца и домика Петра I на хранение в Исаакиевский собор было отправлено в законсервированном и упакованном виде 368 музейных предметов, 72 предмета законсервировано. Из музея истории и развития Ленинграда (ныне – Государственный музей истории Санкт-Петербурга) сюда же перевезли 372 ящика музейных ценностей, подготовленных к хранению в экстремальных условиях, 138 ящиков оставлено на месте³⁷. Следует отметить, что на все эвакуированные и спрятанные коллекции ценностей были составлены описи и паспорта, вместе с экспонатами, в большинстве случаев, вывозились и научные архивы музеев: так происходило и в столицах, и на периферии, где оставались специалисты.

Относительно благополучный вывоз ценностей был достигнут сверхтяжелым, запредельным напряжением – физическим и моральным – музейных работников и добросовестных сотрудников госаппарата, просто неравнодушных людей, добровольно приходивших помогать паковать, переносить, наконец, укрывать национальное наследие. Но эти усилия порой оказывались бесполезными из-за бюрократических проволочек, рассогласованности действий различных государственных структур, из-за отсутствия обратной связи между центром и регионами, наконец, из-за управленческого коллапса первых месяцев войны. Нужно констатировать и тот печальный факт, что и в постсоветское время, за четверть века, тема судьбы военных ценностей исследована крайне фрагментарно, так и не заняв достойного места в отечественной историографии новейшего периода.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. А-2306, оп. 75, д. 74, л. 36, 38.
2. *Фатигарова Н. В.* Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // *Музеи и власть: государственная политика в области музейного дела. XVIII-XX вв.: сб. науч. тр.* – М., 1991. – С. 177.
3. ГА РФ, ф. А-2306, оп. 75, д. 74, л. 37-38.
4. *Фатигарова Н. В.* Указ. соч. – С. 177.
5. ГА РФ, ф. А-2306, оп. 75, д. 74, л. 36-37.
6. *Фатигарова Н. В.* Указ. соч. – С. 177.
7. *Третьяков Н. С.* Гатчинский дворец, годы испытаний // *Цитадель под Ленинградом. Гатчина в годы Великой Отечественной войны* / Сост. И. Г. Любецкий. – СПб.: Лениздат, 1992. – С. 138.
8. *Фатигарова Н. В.* Указ. соч. – С. 176.

9. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 7384, оп. 3, д. 21. л. 20-20 об.
10. Там же.
11. *Третьяков Н. С.* Указ. соч. – С. 139-140.
12. *Фатигарова Н. В.* Указ. соч. – С. 176-177.
13. *Третьяков Н. С.* Указ. соч. – С. 137-138.
14. Там же. – С. 138.
15. ГА РФ, ф. А-2306, оп. 69, д. 2751, л. 151.
16. *Фатигарова Н. В.* Указ. соч. – С. 178.
17. ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 18, д. 1420, л. 47.
18. *Фатигарова Н. В.* Указ. соч. – С. 178.
19. ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 3, д. 21, л. 62.
20. Там же, л. 202.
21. Там же, л. 122.
22. Там же, л. 148.
23. *Третьяков Н. С.* Указ. соч. – С. 140.
24. *Плауде В. Ф.* «Сохранить национальное достояние...». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://tzar.ru/science/research/wwII> (дата обращения: 28.01.2021).
25. *Кучумов А. М.* Статьи. Воспоминания. Письма. – СПб.: Арт-Палас, 2004. – С. 65.
26. *Плауде В. Ф.* Указ. соч.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. *Симкин М. П.* Советские музеи в период Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. II. – М.: «Советская Россия», 1961. – С. 190.
31. *Попова Тамара Федосьевна (1904-1980)*, в 1941 г. заместитель директора по научной работе; участвовала в эвакуации музейных ценностей летом 1941 г.
32. *Турова Евгения Леонидовна (1911-1971)*, до войны – хранитель архитектурных памятников Екатерининского парка; сентябрь 1941 – июль 1942 г. – научный сотрудник, хранитель музейных фондов г. Пушкина дирекции пригородных дворцов музеев в Объединенном хозяйстве музеев в Исаакиевском соборе; с октября 1943 г. – научный сотрудник дирекции пригородных дворцов-музеев; февраль 1944 – июль 1944 г. – и. о. директора, с июля 1944 по апрель 1945 г. – директор дворцов-музеев г. Пушкина; май 1945 – январь 1948 г. – инспектор сектора музеев г. Пушкина; январь 1948 – октябрь 1951 г. – главный хранитель дворцов-музеев г. Пушкина.
33. *Лемус Вера Владимировна (1905-1987)*, методист по экскурсионной работе, с 3 июня 1941 г. – научный сотрудник хранилища музейных фондов в г. Сарапуле.
34. *Плауде В. Ф.* Указ. соч.
35. Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда: воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи / Авт.-сост. Н. Н. Паперная. – Л.: Лениздат, 1969. – С. 20.
36. «Мы... должны считать себя мобилизованными для борьбы и победы...» Из дневников хранителей пригородных дворцов-музеев Ленинграда. 1941-1945 гг. // Отечественные архивы: электрон. науч.-практич. журн. – 2007. – № 1. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://new.rusarchives.ru/publication/mobil.shtml> (дата обращения 28.01.2021).
37. *Фатигарова Н. В.* Указ. соч. – С. 179-180.

Список литературы

Плауде В. Ф. «Сохранить национальное достояние...». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://tzar.ru/science/research/wwII> (дата обращения: 28.01.2021).

Симкин М. П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. II. – М.: «Советская Россия», 1961. – С. 190.

Третьяков Н. С. Гатчинский дворец, годы испытаний // Цитадель под Ленинградом. Гатчина в годы Великой Отечественной войны / Сост. И. Г. Любецкий. – СПб.: Лениздат, 1992. – С. 138.

Фатигарова Н. В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музеи и власть: государственная политика в области музейного дела. XVIII-XX вв.: сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 177.

References

Plaude V. F. "Sohranit natsionalnoe dostoyanie...". *Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: http://tzar.ru/science/research/wwII (data obrashcheniya 28.01.2021)* ["To preserve the national heritage..."]. [On-line]. Available at: <http://tzar.ru/science/research/wwII> (access date 28.01.2021)

Simkin M. P. *Sovetskie muzei v period Velikoy Otechestvennoy voiny: sb. nauch. tr.* [Soviet museums during the Great Patriotic War: a collection of research papers]. IN: *Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta muzevedeniya. Vyp. II.* Moscow: "Sovetskaya Rossiya" publ., 1961, p. 190.

Tretyakov N. S. *Gatchinskiy dvorets, gody ispytaniy* [Gatchina Palace, years of hardships]. IN: *Tsitadel pod Leningradom. Gatchina v gody Velikoy Otechestvennoy voiny. Sost. I. G. Lyubetskiy* [The citadel outside Leningrad. Gatchina during the Great Patriotic War. Comp. I. G. Lyubetskiy]. St. Petersburg: Lenizdat publ., 1992, p. 138.

Fatigarova N. V. *Muzeynoe delo v RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voiny (aspekty gosudarstvennoy politiki)* [Museology in RSFSR during the Great Patriotic War (state policy aspects)]. IN: *Muzei i vlast: gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela. XVIII-XX vv.: sb. nauch. tr.* [Museums and power: state policy in museology. The 18th-20th centuries: proceedings]. Moscow, 1991, p. 177.

Сведения об авторе

Кантор Юлия Зорახовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, e-mail: juliakantor@yandex.ru

About the author

Yuliya Z. Kantor, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Professor at Herzen State Pedagogical University of Russia, e-mail: juliakantor@yandex.ru

В редакцию статья поступила 03.02.2021, опубликована:

Кантор Ю. З. Эвакуация ленинградских музейных экспонатов летом 1941 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 2. – С. 20-30.

Submitted on 03.02.2021, published:

Kantor Yu. Z. *Evakuatsiya leningradskikh muzeinykh eksponatov letom 1941 g.* [Evacuation of Leningrad museum exhibits in the summer of 1941]. IN: *Gasyrlyr avazy – Echo vekov [Echo of centuries]*, 2021, no. 2, pp. 20-30.